

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
А58

Серия «Чай, кофе и убийства»

Paul Halter

LE CERCLE INVISIBLE

Перевод с французского *Н. Зубкова*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Воронина

Печатается с разрешения Lester Literary Agency.

Альтер, Поль.

А58 Невидимый круг : [роман] / Поль Альтер ; [пер. с фр. Н. Зубкова]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 256 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-982363-6

Семь человек получили крайне таинственные письма. Джерри Пирсон, хозяин полуразрушенного замка, находящегося на одном из островов Корнуолла, приглашает их на «особенный» прием, где за каждым из гостей закреплена определенная роль – роль персонажа из легенд о короле Артуре. Поначалу происходящее кажется нелепой шуткой, но вскоре мистер Пирсон заявляет, что пригласил всех присутствующих в свидетели своего собственного убийства. Именно это заявление становится отправной точкой – «представление» начинается. В ближайшие несколько дней этим людям жизненно необходимо разобраться в происходящем, разгадать множество тайн и выбраться с острова, окруженного лишь суровыми скалами и бушующим морем.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

© Paul Halter et Librairie des
Champs-Élysées, 1996
© Paul Halter, 2007
© Перевод. Н. Зубков, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-982363-6

Глава 1

Подданные его величества всегда хранили память о короле Артуре: кто больше, кто меньше, а иные — больше других, как мы увидим в этой повести.

Не были исключением и Мэйдж Пирсон с Биллом Пейджем. В апреле 1936 года под вечер они беседовали вполголоса в недорогом чайном салоне около Оксфорд-серкус. Их мысли занимал великий король, а с губ Мэйдж то и дело срывались названия «Тинтагель», «Корнуолл»... Но о чем же они беседовали? Вид у обоих был серьезный и озабоченный — нечасто такой бывает у молодой пары.

Правда, и в зрелище, открывавшемся перед ними за стеклянной дверью, возле которой они сидели, было нечто грандиозное и тревожное. Я имею в виду, конечно, необычное, завораживающее зрелище вечернего Лондона, когда на небе с грозными тучами у самого иссиня-черного горизонта горит красный диск заходящего солнца. На

фоне последней оранжевой полосы вырисовывалась длинная линия — лес закопченных труб и острия готических церковных шпилей. Так что не приходилось напрягать воображение, чтобы мысленно перенестись в Средние века — во времена зубчатых стен и мрачных, сырых башен. Отовсюду исходило глухое, таинственное чувство угрозы. Казалось, оно поселилось и в умах нашей пары.

Мэйдж исполнилось двадцать два года. Она казалась очень решительной девицей, хотя на самом деле была не слишком уверена в себе и даже немного пуглива. Большие голубые глаза, фарфоровая кожа и пышная каштановая шевелюра выдавали впечатлительную, простодушную натуру. Биллу Пейджу, как полагала она (спросить еще стеснялась — они всего с месяц как познакомились), было около тридцати, и Мэйдж считала, что ему лучше было бы одеваться не так строго и носить очки не в такой толстой оправе. Прямой пробор, разделявший черные волосы, ей тоже не слишком нравился. Билл казался человеком, который изо всех сил старается выглядеть взрослым. По правде говоря, когда Мэйдж увидела его в первый раз, ее не то чтобы, как говорится, словно током ударило, но она нашла Билла симпатичным и сразу почувствовала, что с ним будет в безопасности.

А это было для нее очень важно, особенно сегодня, когда девушка получила письмо от дяди Джерри.

— Я боюсь его, Билл, — шептала она, умоляюще глядя на молодого человека. — Всегда его боялась — но ехать, наверное, надо, иначе нельзя...

Билл задумчиво постукивал по столу пальцами возле чашки с чаем.

— Ты мне о нем ничего не рассказывала. Боишься? Но почему?

— Вообще-то, — неохотно начала Мэйдж, — я его почти не видела. На самом деле он мне не дядя, потому что и отец мне не отец, и они по-настоящему не братья, и... — Она глубоко вздохнула. — Наверное, лучше начать с начала.

— Да, пожалуй, — с улыбкой заметил молодой человек.

— Мне еще не было и двух лет, когда меня забрали из приюта, поэтому с детства я помню приемных родителей, мистера и миссис Пирсон. Я их считала родными. Как ты знаешь, теперь они тоже умерли... Маму я потеряла, когда мне исполнилось десять лет. У нее были больные легкие и оттого все время сильная слабость. Вот поэтому отец, чтобы она не напрягалась, два года подряд, до маминой смерти отправлял ме-

ня на летние каникулы к дяде Джерри. Ой, какие каникулы для десятилетней девочки! Наверное, мне никогда не суждено их забыть...

Дядя Джерри — не родной, а единокровный папин брат. Они сыновья Арчибальда Пирсона. Мой папа Колин от первого брака, а потом дед женился на Рут — очень красивой женщине, но немного помутившейся рассудком, а у нее от первого брака тоже был сын, Горацио...

— Как же все сложно, — заметил Билл, почесывая подбородок.

— Да, но скоро уже конец. И у них тогда родился второй ребенок, дядя Джерри. Оба брата...

— Оба? Кто именно? Я так понял, их было трое, считая Горацио — старшего сына второй жены твоего дедушки...

— Ну да... Только он с ними, кажется, жил недолго. У него психика была не в порядке, и его отправили в лечебницу. Так вот, эти двое каникул, которые на меня так повлияли... Я видела дядю Джерри второй или третий раз в жизни, совсем его еще не знала. Он живет один — не женат — в маленьком замке в Корнуолле, на берегу моря, рядом с деревушкой неподалеку от Тинтагеля. Ну и местечко! — Мэйдж вздрогнула. — Нужно

видеть, чтобы понять. Дом стоит на скале — крохотный такой полуостров. Свищет ветер, бушует прибой... Дом высоко над морем, а море почти всегда свиперствует. Бесперывно хриплые крики чаек. Мне тогда было, еще раз тебе напомню, восемь лет, совсем маленькая девочка, которая раньше никогда из дома не уезжала. Я еще и не видела дядю Джерри, а мне уже было страшновато. Правда, когда увидела, то не испугалась, он даже показался довольно приветливым, только смотрел на меня, как будто я какое-то редкое насекомое... Первые ночи я глаз не смыкала. Никак не могла уснуть: ветер пронзительно завывал, чайки кричали... Однажды вечером в кровати я почувствовала, как у меня по ногам *что-то* ползет. Я завопила, вскочила, зажгла свет... По простыням разгуливал огромный паук! Вошел дядя Джерри, я показала ему на это страшилище, а он... а он...

— Что?

— А он ничего не сделал. Вообще-то, он меня утешал, но мне казалось, ему смешно от того, как я перепугалась. Мне даже в голову не приходило, будто он эту жуткую тварь посадил ко мне нарочно, и все-таки дядюшка показался мне очень странным. Однажды вечером он под каким-то предлогом оставил меня в замке одну. Ужасная ночь!

Невидимый
круг

Мало того, что ветер так выл, что окна и двери все время хлопали — я вдруг услышала шаги наверху... Куда бы я ни шла, они всегда звучали прямо надо мной. А нигде никого не было. Когда он вернулся и я ему рассказала, он повел себя так же, как в случае с пауком. Как будто он тешился моим страхом, хотя и успокаивал меня, говорил, что мне просто почудилось...

Мэйдж замолчала, глотнула чаю. Голубые глаза от воспоминаний о тех страшных днях казались еще больше.

— Это все было в первый год — эти и еще несколько случаев. Я бы сказала, еще терпимых. И наверное, я бы и забыла про то лето, если бы на другой год туда не вернулась. Вот тут я думала, что действительно умру от страха. Каждую ночь все время какие-то странные звуки, а однажды мы гуляли с ним по дюнам — и вдруг я осталась одна в этом пустынном месте, а уже совсем стемнело... Я целый час рыдала от отчаяния и только потом его увидела. Он бросился ко мне и принялся ругать: «А я тебя везде искал, говорил же, чтобы ты никуда не отходила!» Но самое главное было после...

Недалеко от деревни, немного в стороне, есть старая деревянная лачужка. Она без окон, только дверь на засове снаружи:

хлопнешь дверью, он упадет и закроется. Я там играла, нечаянно хлопнула и оказалась взаперти. Никак не выйти! Дело было к вечеру, вот как теперь, и вокруг никого. Я и кричала, и рыдала — все напрасно, никто меня не слышал. А ночью, когда стало совсем темно, я вдруг услышала, как вокруг бродят и воют волки... Всю ночь меня донимал страшный зверь. Яростно скребся в дверь когтями, совал морду во все щели и сопел, рычал, а я думала, какие у него должны быть огромные зубы... Я, наверное, никогда не забуду эту ужасную ночь.

Мэйдж вздрогнула, на несколько секунд прикрыла глаза и продолжила:

— Оказалось, это меня почуяла собака-овчарка — славная, очень ласковая. На рассвете она разбудила хозяина и привела его ко мне. Вскоре я увидела дядю — разумеется, он всю ночь меня искал. «Что ты наделала! А я вообразил, как ты упала со скалы, все кости переломала... или утонула... Представляешь, какая ночка выдалась у меня из-за тебя! Только и делал, что бегал с фонарем по берегу». Потом выслушал меня и стал утешать, как раньше... Но опять у него была эта странная улыбка. Я уверена: он только и делал, что подждал момент, когда я нечаянно запрусь в лачужке, нарочно спустил собаку

(он знал ее повадки) и всю ночь наслаждался моим ужасом.

Они помолчали. Билл прервал паузу.

— Даже не знаю, что и думать... — сказал он, нахмурившись. — Одно из двух: или твой дядюшка жуткий извращенец, или...

— Или я ошиблась? — закончила Мэйдж, недоверчиво скривив губы. — Вообще-то, может быть и так. Прошло немало лет, я была пугливая девочка и, возможно, сама себе что-то навывдумывала. Я и вправду ничего не знаю — слишком мала была, чтобы что-нибудь понимать. Уверена только в том, что тогда я умирала от страха.

— А что твои родители? Ты ведь им, я полагаю, все рассказала?

— Ну да... Но мама тогда была очень больна. Я рассказала отцу, но он оказался не в состоянии ничего слушать — так боялся за мамино здоровье. А когда она умерла, стало не до воспоминаний. Потом меня отдали в пансион: отец поехал в Африку с одним компаньоном добывать драгоценные камни, а меня с собой не взял. Прошло много месяцев, я никаких вестей о нем не получала. Компаньон тоже потерял его из виду и дал мне ясно понять, что особенно надеяться не стоит. Тем более что места там очень опасные. С тех пор прошло уже больше десяти лет.

Билл с серьезным видом кивнул и спросил:
— А какой он, этот дядя Джерри? Как выглядит?

Мэйдж рассмеялась:

— Ой, Билл, если бы ты себя видел! Тебе очень хочется удавить его, правда? Нет, не думай, это не рогатое чудище, изрыгающее огонь. Совершенно обыкновенный на вид человек, теперь ему должно быть лет сорок пять. Правда, у меня о нем воспоминания остались жутковатые, но это все из-за тех моих приключений. У него только одна особенность — по крайней мере то, что я заметила девочкой: очень странная улыбка.

— И с тех пор ты его не видела?

— Только на маминых похоронах. Потом, когда пропал отец, он мне написал раз или два, и все. Понимаю, что ты хочешь спросить. Нет, он не предлагал мне поселиться у него. И я бы все равно не согласилась.

Билл по-прежнему хмурился.

— Ты еще говорила о другом сводном брате, Горацио, которого поместили в специальное заведение. А что с ним, собственно, такое?

— Какое-то душевное расстройство, что именно — не знаю, но, должно быть, что-то довольно тяжелое. Толком мне никогда об этом не говорили.

— Если я правильно понял, у его матери с этим тоже было не все в порядке?

— У нее иногда случались депрессии. Она, бывало, уходила из дому, бродила по лесу — случалось, несколько дней подряд. Я понимаю, о чем ты думаешь: наследственное безумие, передалось сперва старшему сыну, Горацио, потом младшему — Джерри... — Мэйдж ненадолго замолчала, потом продолжила: — На самом деле дядя Джерри никогда на меня не производил впечатления помешанного. В худшем случае это очень злой человек. Не думаю, что папа доверил бы меня ему, если бы у него было психическое расстройство.

— Тогда, может, и не было, но есть болезни, которые проявляются только спустя много лет. И то, что ты мне сейчас про него рассказала...

— Перестань, Билл! Ты меня еще больше перепугаешь!

— Письмо от него у тебя с собой?

Мэйдж раскрыла сумочку, достала конверт и молча положила перед своим спутником. Билл прочел слова, написанные аккуратным ровным почерком:

«Тинкастл, 17 апреля 1936.

Дорогая Мэйдж,

мы не виделись уже целую вечность.

Должно быть, лет пятнадцать. Думаю,

ты очень изменилась с тех пор, как гостила у меня (помнишь тот приезд?). С тобой происходило много несчастий, которые, я уверен, остались среди незабываемых детских впечатлений. Надеюсь, у нас будет возможность поговорить среди прочего и об этом, если ты согласишься провести здесь несколько дней. Сделай все возможное, чтобы приехать сюда на этот уикенд: состоится чрезвычайно важная встреча. В замок съедутся человек семь-восемь, и твое присутствие необходимо. О чем пойдет разговор? Увы, не могу тебе об этом здесь рассказать, но ты понимаешь: я бы так не настаивал, если бы твой приезд не был делом первостепенной важности. Знай только, что это совершенно необыкновенное событие — из таких, которые не забываются. Если не сможешь приехать, немедленно дай мне знать, но я очень на тебя рассчитываю, малышка Мэйдж, в пятницу ты непременно должна быть с нами в замке — лучше всего ближе к вечеру.

Всегда твой
любящий дядя».

— Ну, что скажешь? — спросила Мэйдж, когда Билл вернул ей письмо. — Я не знаю, что и думать. С одной стороны,

Невидимый
круг